

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Вступительная статья

Е.Э. Ляминой и А.М. Пескова

Подготовка текста и комментарии

Е.Э. Ляминой и Е.Е. Пастернак

Художник

Н. Пескова

Корректор

Е. Чеплакова

Адрес редакции:

129626, Москва, И-626, а/я 55

тел.: (095) 194-99-70

Массон Ш.

Секретные записки о России. — М.: “Новое литературное обозрение”, 1996, 208 с.

ISBN 5-86793-019

Воспоминания француза, который провел ряд лет при дворе Екатерины II и Павла I, содержат закулисную хронику русской придворной жизни того времени. Демонстрируя незаурядную наблюдательность и осведомленность, автор дает яркие характеристики мудрой императрицы и ее сумасбродного сына, их фаворитов и придворных. Независимость суждений и нелицеприятность выводов делают книгу уникальным мемуарным источником. Книга выходила на русском языке в начале XX в. и с тех пор не переиздавалась.

ISSN-0869-6365

ISBN 5-86793-019

© Художественное оформление

“Новое литературное обозрение”, 1996

О "ЗАПИСКАХ" МАССОНА

Подходил к концу 1796 год и вместе с ним — век Екатерины Великой. Тридцать четыре года ее царствования были отмечены принятием новых законов, блистательными военными победами, расцветом наук и художеств, основанием новых городов, роскошью и изысканностью двора. Но главное, что наложило отпечаток на эту эпоху, — личность самой императрицы — "Северной Минервы", "философа на троне", мудрой преобразовательницы, переписываться с которой почитали за честь просвещеннейшие умы Европы. Однако это была видимая всем, парадная сторона: Catherine le Grand — Екатерина Великий — охотно соглашалась с тем, что ее сравнивали с Великим Петром, а совершенное ею — с реформами первого русского императора. Меж тем за время этого правления, которое началось с дворцового переворота и убийства законного государя, случилось и было подавлено восстание Пугачева, трижды разделена Польша; процветало казнокрадство, подданные привыкли к постоянной смене фаворитов и их креатур; а под конец царствования, встревоженная событиями во Франции, Екатерина принялась бороться с собственными "якобинцами". Был посажен в крепость литератор и издатель Н.И. Новиков, скончался "в простудной горячке" (а шепотом передавали, что был засечен до смерти) драматург Я.Б. Княжнин, арестован и сослан в Сибирь А.Н. Радищев. 7 ноября 1796 года Екатерина скончалась. На престол взошел ее единственный сын Павел Петрович, которому к этому времени минуло сорок два года. Характер наследника был непредсказуем; он мог быть кротким и милостивым, а через несколько минут перемениться и разгневаться из-за пустяка. Он вырос в обстановке, где ему постоянно выказывали нелюбовь и презрение — как мать, так и те, кто ее окружал. Начало его царствования было ознаменовано справедливыми деяниями и отеческим попечением об угнетенных и обиженных. Считая своим долгом "обустроить государство" и видя вместе с тем всю тщетность своих усилий, Павел I со временем становился все более мелочным и придирчивым. Он сосредотачивал свое внимание на внешнем: на форме шляп, на проявлении уважения к его особе, на употреблении тех или иных слов. Все эти меры не достигали своей цели, но делали императора смешным и страшным в глазах его подданных.

"Конец царствования Екатерины II и начало правления Павла I" — перелом, стык двух эпох — отразился во многих воспоминаниях, писанных русскими и иностранными мемуаристами. Предлагаемые вниманию читателей "Секретные записки..." Шарля Массона, француза на русской службе, относятся к традиции французских мемуаров XVIII века. Самые известные из воспоминаний такого рода были созданы герцогом Л. де Сен-Симоном, о стиле которого современный исследователь замечает: «В хроникальном потоке прорезываются отдельные повествовательные формы <...> Наряду с портретами <...> это структурно законченные анекдоты, сцены — то мимолетные, то разработанные с театральной обстоятельностью и наглядностью. Есть и размышления, и

риторические отступления, и даже вкрапленные в текст "максимы"¹. Массон не мог читать записок Сен-Симона, которые вышли в свет на три десятилетия позже его собственных, но он принадлежал той же литературной эпохе, когда резкой границы между мемуарами, в основе которых обычно лежит рассказ о происшествиях личной жизни автора, и историей еще не было. Поэтому в его книге читатель также находит хронику событий, перемешанную с патетическими восклицаниями, рассуждениями и обобщениями, портретами, зарисовками петербургского быта, эпиграммами, историческими документами. Для Массона создание мемуаров и написание истории, — в сущности, одно и то же. Отсюда многочисленные экскурсы в прошлое России, то множество исторических лиц, которое появляется на страницах его сочинения. Отсюда отсылки к "Историям" и мемуарам, посвященным России, споры с их авторами. О себе и подробностях своей биографии Массон говорит редко, скупо и лишь постольку, поскольку происшедшее с ним может иллюстрировать его взгляд на русскую жизнь (впрочем, такая сдержанность отчасти объясняется и нежеланием раскрывать свое авторство). О его судьбе нам известно немного.

Шарль Франсуа Филибер Массон родился во Франции, в Бламоне, в 1762 году; воспитывался в Швейцарии. В конце 1786 года он приехал в Петербург, где к этому времени уже находился на службе его старший брат, составивший ему протекцию у директора артиллерийского и инженерного шляхетного кадетского корпуса П.И. Меллиссино. Массон-младший поступил туда преподавателем. В конце 1788-го или начале 1789 года он был представлен президенту Военной коллегии и воспитателю великих князей Н.И. Салтыкову, нуждавшемуся в образованном человеке, который мог бы вести иностранную корреспонденцию и быть гувернером при его сыновьях, камерюнкерах Дмитрия, Александре и Сергее. Заняв новую должность, Массон из поручиков был произведен в капитаны драгунского полка и назначен одним из адъютантов Н.И. Салтыкова.

Став своим человеком в семье Салтыковых, с которыми он прожил восемь лет в императорском дворце, Массон был свидетелем многих событий, происходивших при дворе, сопровождал своих воспитанников к великим князьям Александру и Константину, путешествовал вместе со своим начальником, исполнял различные дипломатические поручения и завязал множество знакомств. Не без покровительства Салтыкова Массон был определен учителем математики к великим князьям (заметим, что вся деятельность самого Н.И. Салтыкова, по словам Массона, заключалась в том, чтобы предохранить своих подопечных "от сквозняков и засорения желудка")². В 1795 году он удачно женился — на дочери барона Розена, родственника дипломата Я.И. Сиверса и бывшего генерал-адъютанта Петра III К.К. Унгерн-Штернберга. Тогда же Массон был назначен секретарем великого князя Александра Павловича с зачислением в Екатеринбургский гренадерский полк.

¹ Гинзбург Л. Мемуары Сен-Симона // Saint-Simon. Mémoires. М., 1976. Vol. 1. P. 11.

² Цит. по: Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб., 1897. Т. 1. С. 29, 226.

С воцарением Павла I братья Массоны оказались в немилости, чему главной причиной стал круг их знакомств, иностранное происхождение и благоволение к ним Н.И. Салтыкова, а также, возможно, и то, что Массон-младший не слишком тщательно скрывал свои республиканские симпатии и восхищение Бонапартом¹. В конце 1796 года по приказанию государя они были вывезены из Петербурга в Курляндию, откуда направились в Пруссию². В изгнании Ш. Массон в течение двух лет не получал разрешения на въезд во Францию; он переезжал с места на место, тревожась о судьбе жены и маленькой дочери, которые оставались в России и не могли последовать за ним (дело решилось благодаря сочувствию и хлопотам К.К. Унгерн-Штернберга). В 1800 году ему удалось вернуться во Францию и вскоре, по протекции Люсьена Бонапарта, получить место в управлении департамента Рейн-Мозель. О дальнейшей судьбе его сведений еще меньше. В 1803 году (или же в XII — по республиканскому летоисчислению) в Париже было напечатано подробное, дотошно составленное "Статистическое описание департамента Рейн-Мозель". Этот труд, как сообщается в конце текста, вышел из-под пера "гражданина Массона", генерального секретаря тамошней префектуры и корреспондента Французской Академии. 3 июня 1807 года Массон умер в Кобленце. Можно предположить, что после его смерти жена вернулась в Россию; во всяком случае, их дочь, красавицу Ольгу Массон (она родилась в сентябре 1796 года и умерла не ранее 1830-х годов), мы встречаем среди петербургских знакомых молодого Пушкина — к ней обращены стихи "Ольга, крестница Киприды..." (1819).

В конце 1790-х годов Массон на некоторое время нашел приют в Пруссии, в имении одного из своих знакомых, графа Лендорфа. Там им и были созданы "Секретные записки о России, и в особенности о конце царствования Екатерины II и начале правления Павла I, представляющие собой картину нравов Санкт-Петербурга в конце XVIII века и содержащие некоторые анекдоты, собранные в течение десятилетнего там пребывания". Два почти полностью идентичных издания этой книги появились одновременно в Амстердаме и Париже (в 1800 году — тома 1 и 2, в 1802-м — том 3) без указания имени автора. В 1804 году труд Массона был переиздан. Полный текст мемуаров к

¹ Courbet Ch. A l'ère des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnu russe (1799—1894). Paris, 1967. P. 47. Одним из возможных поводов для изгнания Массона и его брата французский исследователь Ш. Курбе считает следующее: "<...> вероятно, кто-то рылся в его бумагах, и, кроме того, ему могли припомнить поэму "Швейцарцы", в которой он называл Свободу единственным божеством, оплакивал падение Новгородской республики и приветствовал события 1789 года" во Франции. "Швейцарцы" (Париж, 1800) — эпическая поэма в восьми песнях с историческими примечаниями (в основу ее легли реальные события последней четверти XV века: неудачная попытка бургундского герцога Карла Смелого подчинить народ Швейцарии). Была представлена Массоном Французской Академии и получила высокую оценку. Интересно, что поэма вышла в издательстве Ш. Пужана, одного из образованнейших книгоиздателей того времени, у него же напечатано и первое издание "Записок". Общим книгам Пужан предпослал краткие вступительные заметки, в которых с уважением отзываясь о Массоне и его трудах.

² Подробнее см.: Рыбинин Д. Высылка из России братьев Массонов // Рус. старина. 1873. № 3. С. 548—585.

этому времени составлял уже четыре тома небольшого формата; вышли и переводы на немецкий, английский, датский языки. После Гильзитского мира (1807) резкие выпады против России стали неуместны, и Наполеон запретил продажу "Записок"; скорее всего, по этой причине они довольно долго не переиздавались¹. Во второй половине XIX века интерес к воспоминаниям Массона не исчез: в 1859 и 1863 годах в Париже вышли новые издания "Записок" (правда, существенно сокращенные по сравнению с теми, которые были подготовлены самим автором), в 1917 году мюнхенские книгоиздатели выпустили в свет новый их перевод на немецкий язык.

На титульном листе каждого тома перечислены те "анекдоты", о которых узнает читатель (следует иметь в виду, что "высокий" анекдот XVIII — начала XIX века — это не столько забавная история, сколько искусный рассказ о происшествии, в котором, как правило, действуют исторические лица, оканчивавшийся зачастую "point" — неожиданным поворотом, "солью"). В первом и втором томах речь пойдет, как обещает заглавие, "о планах Екатерины относительно ее сына, о его странностях, о несостоявшемся браке великой княжны Александры со шведским королем, о характерах главнейших придворных, и именно — о Суворове". Все это сопровождается "замечаниями о воспитании владетельных особ, о нравах женщин, о религии народа". По мере подготовки сочинения к выходу в свет и при переиздании своего труда Массон, по видимому не терявший связи с Россией и получавший отсюда новые материалы (в предисловии к первому изданию он говорит, что имеет "основания считать все" сообщаемое им о времени после 1796 года "также правдивым"), дополнял первоначальный текст своими примечаниями, которые отражали случившееся за это время. Третий том первого издания содержит рассказы "о войне в Персии, о действиях русских войск против Франции, об опале и смерти Суворова, о мерах Павла I в области финансов, о его домашней жизни и трагическом конце".

Появление "Записок" Массона объясняется не только его желанием разоблачить злоупотребления, опровергнуть очевидную ложь исторических сочинений о России (Ж. Кастера, Вольтер), но еще и стремлением осмыслить собственный опыт, рассказать историю своего изгнания. Они были задуманы им еще во времена службы при дворе, когда он собирал материалы, которые "надеялся в один прекрасный день обнародовать". Однако из-за постигшей его немилости Массон был вынужден все это уничтожить и в предисловии к первому изданию сетовал на то, что "хрупкая память — сейчас единственный источник", который у него остался.

Впрочем, автор "Секретных записок" никогда не был чужд литературного труда. О написанной им поэме уже говорилось. Кроме того, через два года после приезда в Петербург он сочинил панегирик великим князьям под названием "Торжество на прибытие Их Императорских Высочеств Государей Великих Князей Александра Павловича и Константина Павловича, при Артиллерийском и Инженерном Шляхетном кадетском корпусе, 4 августа 1788 года" (перевод Г. Шиповского; СПб., 1788). В следующем году в Типографии Шляхетного кадетского корпуса в Петербурге была на-

¹ Courbet Ch. Op. cit. P. 48.

печатана книжечка под названием "Памятный курс географии, или Легкий и приятный способ читать карты, воспитывая при этом вкус молодых людей". Это любопытное сочинение, как выясняется из авторского предисловия, было создано еще до приезда Массона в Россию и служило ему практическим пособием для занятий с его юным воспитанником — девятилетним сыном графа Лендорфа. Учить географии по изобретенному Массоном способу оказалось и в самом деле так легко и приятно, что автор не поспевал переписывать текст для знакомых и друзей своего хозяина, а в 1787 году напечатал этот учебник в Берлине (второе издание вышло в Швейцарии незадолго до петербургского). Новизна методы очевидна: основные географические понятия и важнейшие объекты, запечатленные на картах того времени, перечислены здесь... в изящных и быстро запоминающихся александрийских стихах. Связывающие их парные рифмы, в которые Массон вынес опорные "мнемонические точки", укладывают весь ворох географических знаний в стройную и связную картину, не обладая которой отпрыск аристократического семейства в то время просто не имел права: умение без труда и с удовольствием пользоваться картой числилось в ряду основополагающих для дворянина. Краткую вводную заметку к петербургскому изданию учебника написал преподаватель изящной словесности в корпусе — Кюине д'Орбейль, знакомец Массона, стихи которого он цитирует во второй главе "Записок". Из нее ясно, что пособие использовалось в этом учебном заведении на уроках географии.

В 1793 году Массон перевел на французский нравоучительную поэму С.С. Джунковского "Александрова, увеселительный сад Его Императорского Высочества Благоверного Государя и Великого Князя Александра Павловича". В сочинении Джунковского описывался сад, разбитый по проекту законоучителя великих князей о. А.А. Самборского на участке земли между Царским Селом и Павловском, который Екатерина подарила своему старшему внуку. Сама мысль о написании поэмы, видимо, была подана Самборским. В основу планировки и устройства ландшафта Александровой дачи легла хрестоматийно известная аллегорическая сказка императрицы о царевиче Хлоре. Массона, скорее всего, связывали с Самборским дружеские отношения (в "Записках" он отзываясь о нем очень тепло, что особенно заметно на фоне язвительных, эпиграммически заостренных характеристик, на которые он не скупился в отношении большинства других лиц). Так что пожалование Массона в секретари к великому князю вскоре после выхода в свет двух изданий его перевода (1793, 1794; напечатан вновь в Вене в 1804 году) представляется не случайным.

Когда карьера Массона так внезапно, через полтора месяца после смерти Екатерины II, оборвалась и он был выдворен из России, сочинять панегирики ему уже было не с руки. "Полезные записки", как он определяет жанр своего труда, были для него, по-видимому, и материальным подспорьем. Еще одно сочинение, выпущенное им в 1805 году в Метце (скорее всего, тоже из соображений заработка), — "Новая Астрейя, или Романтические приключения минувшего времени" (в двух томах). Как следует из авторского предисловия, это переложение народных немецких преданий было составлено

ранее, в начале 1790-х годов: "Достигнув зрелости, я представляю вниманию читателей произведение моей юности"¹.

Об интересе, который вызвали "Записки" Массона, свидетельствует не только число их изданий и переводов, но и прием, оказанный им современниками. Они сразу стали одним из важных источников по истории России и долгое время оказывали влияние на тех, кто после Массона обращался к этой теме (в частности, на маркиза де Кюстина, автора известного сочинения "Россия в 1839 году"). "Эта книга, даже если оставить в стороне полемический и литературный талант ее автора, обнаруживает поистине примечательную осведомленность в русской жизни", — пишет современный исследователь². Скорее всего, Массон знал русский язык³. Он старался быть точен и доказателен: так, в приложении к третьему тому мемуаров он поместил переводы официальных документов (акт о престолонаследии, полный титул Павла I, положения о цензуре, о таможах, о чеканке новой монеты и др.).

Однако читавшие книгу Массона не без основания видели в ее тоне и эмоциональной окраске суждений автора пристрастие, уязвленное самолюбие, гнев и обиду. "Мы с большим основанием можем заподозрить, что он говорил бы о России и ее властителях совершенно иначе, если бы его карьера в этой стране продолжалась так же удачно, как началась"⁴. По этой причине к оценкам и изложению Массона зачастую относились с недоверием, хотя рассказ его последователен и вполне правдив. У автора сложилась репутация озлобленного, желчного неудачника, а книгу многие стали воспринимать как памфлет. Кроме того, "Записки" были отданы в печать в то время, когда Павел I отправлял войска в Италию, а вышли они в свет незадолго до смерти императора. Наследовавший ему Александр I объявил о намерении следовать предначертаниям Екатерины и изменил политику России по отношению к Франции: в отношениях двух стран наметилось сближение. Массону немедленно стали возражать — в газетах ("Mercure de France", "Le Publiciste"), в книгах (А. Коцебу выпустил сочинение "Достопамятнейший год моей жизни" — чрезвычайно резкий ответ на "Секретные записки")⁵, и, наконец, его мемуары начали опровергать дипломаты, в частности граф Сегюр⁶. Массон тщетно пытался оправдаться — в подробных, по пунктам опровергаю-

¹ *Masson Ch. F. Ph. La nouvelle Astrée... Metz, 1805. Vol.1. P. 1.*

² *Courbet Ch. Op. cit. P. 47—48.*

³ *Ibid. P. 49.* Целый ряд слов в "Записках" набран курсивом — это русские слова во французской транслитерации: "oukas", "tzarevitch", "raz-dva", "ischvoschtschiki" и даже "sdelaité kak pregede" (передача — с точки зрения фонетики весьма удачная — слов Платона Зубова).

⁴ *Ibid. P. 48.*

⁵ Русский перевод напечатан в приложениях к журналу "Древняя и новая Россия" (1879. № 1—2). О политической подоплеке нападок Коцебу на Массона см.: *Liechtenhan F.-D. La progression de l'interdit: les recits de voyage en Russie et leur critique a l'époque des tzars // Revue Suisse d'histoire. 1993. Vol. 43. P. 38—41.*

⁶ *Courbet Ch. Op. cit. P. 50.* Отводя незаслуженные обвинения, Массон замечал: "В то время, когда этот <...> том был уже предан тиснению, переворот столь же ужасный, но старательнее скрытый и куда более подлый, чем тот, что имел место в 1762 году, завершил жизнь и царствование Павла I. Это событие, как и те, которые ему предшествовали, сопутствовали и последовали за ним, прекрасно доказали невиновность автора этих мемуаров. Они удостоверили справедливость его рассказа, основатель-

щих клевету и недобросовестность Коцебу "Письмах от одного француза к одному немцу" (Париж, 1802), при помощи смягченных комментариев и предисловий к своим мемуарам, но все это не принесло плода¹. Александр I не пригласил Массона в Россию, как другого своего наставника — Лагарпа, который приехал в Петербург уже в августе 1801 года, и, судя по всему, не проявлял к своему бывшему секретарю и его участи никакого интереса.

"Секретность", объявленная в названии "Записок", заключалась в изложении откровенных подробностей частной жизни высокопоставленных особ, в остроумных и цепких наблюдениях над природой русского деспотизма.

Именно поэтому мемуары Массона стали в России вдвойне секретны. Даже в середине XIX века, когда никого из описанных им уже не было в живых, "Записки" не дозволялись русской цензурой. Первые переводы их появились в печати только в 1870-х годах (до этого времени ссылки на эти мемуары и более или менее точные и пространственные цитаты из них встречаются в научных трудах, посвященных описанной Массоном эпохе)². Не говоря о России, где распространение "Записок" было строжайше запрещено, и в Европе стараниями русских посольств продажа книги Массона преследовалась. Так, в ноябре 1801 года русский консул в Лейпциге Иоганн Шварц добился у саксонских властей запрета на продажу третьей части "Секретных записок", а заодно и их перевода на немецкий язык по причине предосудительных "поношений и измышлений"³. (Отметим: это было уже при Александре I, через 8 месяцев после смерти Павла. Впрочем, убийство Павла тоже было секретом — по официальному объявлению император скончался от апоплексического удара.)

Суть предосудительности подобных мемуаров и суть таких государственных секретов, как смерть от апоплексического удара, отлично изъяснил Герцен в одном из первых исторических изданий вольной лондонской типографии в 1860 году: "Времена татарского ига и московских царей нам несравненно знакомее царствований Екатерины, ность его наблюдений и выводов, потому что часть тех происшествий, которые он предвидел, теперь произошла" (*Memoires secrets*. Amsterdam, 1802. Vol. 3. P. V).

¹ В предисловии к третьему тому, т.е. около 1801 года, Массон писал: "Соединяя в себе лобезность и кротость, за которые были любимы Елизавета и Екатерина, с выдающимися качествами, коих следует ожидать от истинного потомка Петра I, он [Александр], кажется, предназначен к тому, чтобы привести на высшую ступень расцвета и славы молодую и могущественную нацию, обожаемому властелином которой он стал" (Р. XI).

² В журнале "Заря" (1870. № 10) был напечатан небольшой отрывок из первой главы первого тома "Записок" — о приезде шведского короля в Петербург. Из исследовательской литературы, кроме упомянутой статьи Д. Рябинина, назовем труды Е.С. Шумигорского "Императрица Мария Феодоровна" (СПб., 1892), Н.К. Шильдера "Император Александр I. Его жизнь и царствование" (СПб., 1897. Т. 1.), Е.П. Карновича "Цесаревич Константин Павлович" (СПб., 1899), статьи по истории России конца XVIII в. в "Русском биографическом словаре".

³ Гофман П. К вопросу о распространении сведений о Радищеве в Германии // XVIII век. М.; Л., 1959. Сб. 4. С. 372—375. Сам Массон сообщает в третьем томе "Записок", что, как только они вышли из печати, "русский посланник в Берлине поторопился отослать их с курьером к Павлу I, который тотчас же приказал всем полномочным представителям России в Германии препятствовать их распространению" (Р. VI).

Павла. История императоров — канцелярская тайна, она была сведена на дифирамб побед и на риторику подобиюстрастия <...> С одной стороны, правительство запрещает печатать о таких происшествиях, о которых все знают, о которых все говорят — в гостиных и передних, во дворце и на рынке. С другой — оно открыто лжет в официальных рассказах и потом заставляет повторять свою ложь в учебниках. Сначала ей никто не верит, но, боясь преследований, никто в этом не признается; потом события забываются, современники умирают, и остается какое-то смутное предание о том, что правительство исказило факт. Отсюда общая уверенность, что правительство всегда говорит неправду, и сомнение в возможности знать истину¹.

Отсюда и огромное доверие у русского образованного общества к источникам малодоступным — рукописным или привезенным в Россию в обход существующих запретов. Отсюда и достаточно широкое знакомство с мемуарами Массона в русском образованном обществе, особенно в пору, когда события, о которых тот рассказывает, еще не перешли в ряд давно прошедших.

Экземпляры "Секретных записок" были в библиотеках П.И. Багратиона и М.С. Воронцова, И.И. Дмитриева и А.С. Пушкина, А.Г. Разумовского и Д.Н. Шереметева. Их знали не только в столицах, но и в провинции. Так, едва выйдя в Париже, мемуары Массона оказались в глухом Оренбурге, где Г.С. Винский, учитель в семье директора местной таможни, перевел фрагменты записок на русский со своими назидательными примечаниями насчет развращенности нравов при дворе Екатерины и поднес рукописный экземпляр своего перевода отцу детей, наставником которых он тогда пребывал². Конечно, это лишь один факт такого рода, нам известный, и то, что оренбургское образованное общество было знакомо благодаря усилиям Винского с мемуариями Массона, — еще не доказательство того, что в других губернских городах Массона читали и переводили. Ясно лишь то, что раз до нашего времени дошло немало экземпляров французского издания, значит, в то время, когда этим изданием особенно интересовались в России, экземпляров было во много раз больше.

Нельзя, впрочем, сказать, что Массон сообщает бесценные по своей достоверности сведения о русской общественной и придворной жизни конца XVIII столетия.

Если в его записках и встречаются какие-то пикантные подробности или неизвестные по другим источникам случаи, — это подробности и случаи, которые следует называть анекдотическими, то есть не столько содержащими новые факты, сколько подтверждающими какую-то тенденцию, что-то характерное, типичное для русской жизни.

Вот, например, Массон пересказывает слышанный им эпизод — посещение Петром III заключенного в Шлиссельбурге Ивана VI (Петр III вступил на престол в декабре 1761 года, и в начале июля 1762 года его убили; Иван VI, будучи младенцем, был провозглашен императором в 1741 году; в 1742 году сослан; с 1756 года содержался в Шлиссельбургской крепости, где был убит в 1764 году): «Петр III, тронутый его состоянием, задал ему несколько вопросов, и между прочим следующие: "Кто ты?" — "Я император". — "Кто же посадил тебя в тюрьму?" — "Злые люди". — "Ты желал бы

¹ Предисловие Искандера // Записки сенатора И.В. Лопухина. Лондон, 1860. С. III—IV.

² См.: Сомов В.А. Французская "Росси́ка" эпохи Просвещения и русский читатель // Французская книга в России в XVIII веке. Л., 1986. С. 196—197.

вновь сделаться императором?" — "О да! почему же нет? у меня были бы прекрасные одежды и люди, которые бы мне прислуживали". — "Но что бы ты сделал, если бы был императором?" — "Я отрубил бы головы всем тем, кто причинил мне зло".

Понятно, что Массон не был очевидцем разговора и слышал эту историю в чьем-то пересказе (в данном случае указан источник услышанного — это К.К. Унгерн-Штернберг). Поэтому здесь важна достоверность не фактическая, а анекдотическая: внимание акцентируется на моментах, значимых для оценки русской жизни и истории: во-первых, на бедственном положении Ивана Антоновича; во-вторых, на смысле императорских занятий, с точки зрения слабоумного страдальца (жить в роскоши); в-третьих, на логике отношения русского самодержца к подданным: преследовать по подозрению и по доносу (ибо о главных своих злодеях Иван Антонович мог знать лишь по чужим рассказам).

Свойствами исторических анекдотов отличаются и те повествования Массона, в которых он говорит о лично виденном. Вряд ли он лжет, когда рассказывает о том, что впервые увидел Суворова дразнящим уличных мальчишек. Может быть, так и было. Суворов отличался экстравагантностью, и аналогичные рассказы можно найти у других мемуаристов. Но в системе записок Массона этот эпизод превращается в определенный признак личности Суворова — типичного русского варвара, талантливого, остроумного, но все равно варвара.

В сущности, все анекдоты Массона можно условно разделить на два типа: одни должны подтвердить обобщения мемуариста насчет недостаточной цивилизованности России, другие — насчет торжества необузданного деспотизма русской власти.

Точка зрения Массона — это точка зрения европейски мыслящего, цивилизованного человека, которого не испортило пребывание в России и который сумел выйти нравственно невредимым из этого общества рабов и господ. Его позиция — позиция свободного человека, и он адресует свой труд свободно мыслящим европейцам. Оценки его решительны и безапелляционны. "Воровство — порок, неотделимый от русского управления, и коренится он в национальном характере, в испорченности нравов, недостатке честности и общественного самосознания"; "Лучшая история России — это, бесспорно, история Левека <...> он один <...> сумел сделать для иностранцев хоть сколько-нибудь интересной такую отвратительную и отделенную от остального движения времени историю, какова история России до царствования Петра I"; "Русское правительство — угнетатель и завоеватель, русский — воин и разоритель". Можно подумать, будто в Европе не было казнокрадов и взяточников, что походы крестоносцев и религиозные кровопролития менее отвратительны, чем княжеское братоубийство или опричнина, что Франция или Пруссия никого никогда не завоевывала и что гуманные французские или прусские воины никого не разоряли!

Но, вероятно, обижаться на Массона не стоит. Во-первых, многие его злые строки продиктованы обидой на незаслуженное оскорбление и изгнание, после чего он остался почти без средств к существованию. Во-вторых, надо помнить о специфике его позиции "свободного европейца". Массон судит о России, опираясь не на существовавшие в Европе нормы общежития, а на мыслимые, — на те нормы, которые кажутся западному человеку уже или почти достигнутыми в Европе. Судит с точки зрения иде-

ного образа жизни, при котором государственные чиновники приносят государственную пользу, а не используют служебное положение в личных целях, при котором подданные ощущают не свою отданность на милость самодержцу, а находятся в договорных отношениях с властью, при котором гражданские свободы являются неотъемлемым правом каждого частного лица и проч. и проч.

Массон был человеком умным, образованным и наблюдательным. Сам замысел — построить обобщения на основе частных случаев и на описании поведения отдельных лиц, искусное исполнение этого замысла, умение вывести из сумбура эпизодов отчетливые заключения и выстроить концепцию русской политической и общественной жизни, будучи современником и очевидцем событий, — заслуга немалая. Конечно, у Массона почти нет положительных героев. Один из немногих — Александр Павлович, еще не ставший в пору сочинения мемуаров императором и обрисованный автором "Секретных записок" более или менее благожелательно. Но с точки зрения идеалнотеоретической о каких положительных героях русской политической и гражданской истории конца XVIII века можно говорить? Фавориты — разорили казну. Суворов — разорил Польшу. Павел I — разорил собственное дворянство.

Казалось бы, усердие, с которым предпринимались попытки исключить "Секретные записки" из круга чтения в России, не могло не увенчаться успехом и книга должна была выпасть из поля зрения нескольких поколений русских читателей. Однако этого не произошло. Напротив, в качестве ценного исторического источника труд Массона используется в воспоминаниях Н.И. Греча и Ф.Ф. Вигеля. В мемуарах С.Н. Глинки и Л.Н. Энгельгардта встречаются текстуальные переклички с этим, не называемым прямо, сочинением. Вероятно, одна из точек зрения, с которой полемизирует Д.В. Давыдов в своем очерке "Встреча с великим Суворовым" (1834—1835), принадлежит Массону: "Ненавистники России и, к сожалению, некоторые русские не признают в нем [Суворове] военного гения <...>"¹.

Перевод полного текста "Секретных записок" в России по-прежнему остается делом будущего. В предлагаемой книге печатается та их часть, которая уже выходила в свет в начале нашего века.

Е.Э. Лямина, А.М. Песков

¹ Давыдов Д. Сочинения. М., 1962. С. 173.